

Что-то пушистое щекотало грудь Цзян Сюя. Он раздраженно отпихнул это от себя и услышал пару сдавленных стонов Шэнь Фаньюя.

— Вроде бы такой худой, так почему же тебя так тяжело тащить...

— Это ты, блядь... тяжелый. — Цзян Сюй поднял голову. Под действием алкоголя у обоих даже язык стал заплетаться.

— Слабак ты... Цзян Сюй, — Шэнь Фаньюй распластался на подушке, свесив руку с края кровати. — Развезло от пары рюмок... неудивительно, что Чжун Лань... ты не нравишься.

Голова у Цзян Сюя шла кругом, но стоило ему услышать эти слова, как он тут же вlepил Шэнь Фаньюю пощечину и зажал ему рот:

— Да у тебя лицо... горячее, как кипяток, хоть яйца вари. И ты думаешь... что сам не пьян?

— Я не пьян... — отмахнулся пьянчуга. — Я и тысячу бокалов выпью.

Цзян Сюй фыркнул:

— Хоть тысячу, хоть один, а Чжун Лань... ты все равно не нравишься.

Уязвленный в самое сердце Шэнь Фаньюй потер лицо.

— Чжун Лань... — пробормотал он, словно погрузившись в воспоминания. — Я вдруг вспомнил, Цзян Сюй... из-за тебя я тогда, блядь, даже признание первой красавицы курса отверг.

— Думаешь... только ты пострадал? — отозвался Цзян Сюй. — После выпуска... я отверг десятки любовных писем, только чтобы соперничать с тобой... У меня даже времени не было их распечатать.

— Так почему же ты в итоге захотел соревноваться со мной?

— А почему бы тебе не спросить... у самого себя?

Двое мужчин, растративших столько времени впустую из-за взаимных обид, злились все сильнее. Подогретые алкоголем, они, сами не зная, кто начал первым, вдруг сцепились в драке, желая лишь одного — отправить друг друга прямиком на небеса.

К счастью, рассудок у них был затуманен, а в глазах двоилось, поэтому девять из десяти ударов приходились мимо цели. Галстук Цзян Сюя уже сбился, а верхняя пуговица в какой-то момент оторвалась, обнажив полоску бледной, холодной кожи на шее.

Он привалился к спинке кровати, то и дело массируя переносицу, в то время как Шэнь Фаньюй, некоторое время махавший кулаками по воздуху, рухнул на постель с закрытыми глазами, тяжело дыша.

Спустя долгое время он словно с сожалением произнес:

— Чувства — вещь поистине метафизическая. Никогда бы не подумал... что Чжун Лань нравятся женщины.

Возможно, верхний свет в гостиничном номере показался ему слишком резким, поэтому он со щелчком выключил его, оставив гореть над кроватью лишь два прикроватных бра, излучавших

теплый желтый свет.

Он повернул голову к Цзян Сюю и вдруг вспомнил мужчину, которого они недавно видели в баре:

— Слушай... ты ведь часом не гей?

Кулак угодил ему прямо под дых. Цзян Сюй хрустнул костяшками пальцев, полуприкрыв глаза, и холодно процедил:

— Во мне метр восемьдесят восемь. Даже если бы я был геєм... я все равно был бы активом.

Он был настолько пьян, что сам не соображал, что несет. Будь он в здравом уме, то понял бы, что Шэнь Фаньюй своей болтовней только что загнал его в ловушку.

На его счастье, Шэнь Фаньюй тоже был в стельку пьян и не заметил огромной логической дыры в его словах, зато чутко уловил упоминание о росте и на подсознательном уровне решил его уесть:

— А во мне метр восемьдесят восемь и четыре десятых.

Цзян Сюй:

— А во мне метр восемьдесят восемь и сорок три сотых.

Будто кто-то здесь не умеет считать десятые и сотые.

— Ха! — вдруг расхохотался Шэнь Фаньюй. — А я метр восемьдесят восемь и сорок четыре сотых!

— Блядство... — Цзян Сюй свирепо зыркнул на него, но Шэнь Фаньюя было уже не остановить:

— Я не только выше тебя, но, хочешь верь, хочешь нет, у меня кое-что и подлиннее твоего будет.

— Не верю.

Казалось, это мужское стремление к победе было заложено в их ДНК, особенно когда в дело вмешивался алкоголь. Сами того не заметив, они позволили азарту окончательно поглотить остатки их разума.

Шэнь Фаньюй немедленно стянул с себя брюки и потянулся к брюкам Цзян Сюя; длинные ноги мужчины, обтянутые сшитой на заказ тканью, особенно радовали глаз.

Цзян Сюй, вероятно, тоже слишком набрался, и его разум был затуманен жаждой триумфа над Шэнь Фаньюем, поэтому он позволил стянуть с себя штаны. Оба одновременно опустили взгляды, затем посмотрели друг на друга и хором выпалили:

— У меня длиннее!

— Невозможно, — Шэнь Фаньюй схватил Цзян Сюя за руку и прижал к себе. — Можешь измерить рукой.

Рука Цзян Сюя была очень белой, на длинных тонких пальцах виднелись едва заметные

мозоли, а из-за худощавого сложения на тыльной стороне ладони проступали светло-зеленые венки. Наверное, из-за выпитого вся кровь прилила к голове, и его руки были немного холодными. В тот миг, когда его ладонь коснулась Шэнь Фанъюя, тот вдруг слегка вздрогнул.

— Не дергайся. — Мысли Цзян Сюя двигались в одном-единственном направлении, сосредоточившись исключительно на проверке длины.

Его рука заскользила по Шэнь Фанъюю в определенном месте, и тот в оцепенении опустил голову; от этой визуальной стимуляции его мозг окончательно затуманился. Эти руки, которые обычно хладнокровно и методично проводили хирургические операции, теперь скользили и терлись о его тело, заставляя сердце необъяснимо колотиться как сумасшедшее.

— Что ты делаешь?! — выругался он на собственную реакцию, судорожно пытаясь перехватить руку Цзян Сюя.

Тот, прерванный на полпути, раздраженно поднял на него глаза; от движения головы несколько прядей челки слегка упали ему на глаза. Только тут Шэнь Фанъюй понял, что очки Цзян Сюя в какой-то момент слетели.

У Цзян Сюя было скрытое двойное веко, и, возможно, из-за близорукости без очков он выглядел немного растерянным. Его глаза, всегда казавшиеся строгими за стеклами линз, теперь излучали естественную мягкость в свете теплой желтой лампы.

Такой Цзян Сюй вызывал у Шэнь Фанъюя странные чувства. Алкоголь придал его телу и разуму невесомость, словно он парил на облаке или находился в глубоком сне.

Шэнь Фанъюй некоторое время отрешенно смотрел на Цзян Сюя и вдруг заметил, что у того под глазом есть маленькая родинка. Она была настолько крошечной, что он раньше ее никогда не замечал — обычно она скрывалась за оправой очков. Но теперь, внезапно обнаружив ее, Шэнь Фанъюй уставился на нее как завороченный, не в силах отвести взгляд. Необъяснимым образом Шэнь Фанъюй почувствовал, что в этой родинке было что-то соблазнительное.

Лицо Цзян Сюя имело холодный белый оттенок, отчего черная точка выделялась особенно отчетливо. Эта родинка ослепила его, и, когда его кадык нервно дернулся, он вдруг вообще забыл, кто находится перед ним. Поэтому в следующую секунду нижняя губа Шэнь Фанъюя слегка прижалась к этому крошечному пятнышку.

Ресницы Цзян Сюя дрогнули, глаза были полузакрыты — он казался ошеломленным. Его сознание плыло, и после секундного замешательства он отвернул голову.

Шэнь Фанъюй оперся одной рукой о подушку и посмотрел на Цзян Сюя сверху вниз. В тот момент, когда тот отвернулся, Шэнь Фанъюй зорко подметил, что на его шее тоже красуется маленькая черная родинка.

— Моя мама говорила, что люди со светлой кожей предрасположены к появлению родинок, и это правда.

Сказав это, он наклонил голову и поцеловал ее, словно заправский коллекционер пигментных пятен.

Губы Шэнь Фанъюя были прохладными, и когда они внезапно коснулись горячей шеи, Цзян Сюй подсознательно запрокинул голову. Линия его подбородка была прекрасна и из-за наклона казалась еще более точеной. Шэнь Фанъюй попытался спуститься ниже, но Цзян Сюй

уперся рукой ему в грудь.

— Жарко, — прямолинейно заявил Цзян Сюй с закрытыми глазами, сминая в кулаке белоснежную наволочку. — Иди включи кондиционер.

Послушно включив кондиционер, Шэнь Фаньюй вернулся. Подперев подбородок рукой, он опустил глаза и посмотрел на лежащего на спине Цзян Сюя. Они только что возились на кровати, и рубашка Цзян Сюя уже задралась до самой талии.

«Этот Цзян Сюй из сна довольно милый, — подумал Шэнь Фаньюй, — не такой шумный, и хотя в теплом желтом свете он кажется нереальным, он определенно радует глаз».

Взгляд Шэнь Фаньюя скользнул по гладкой, тонкой талии, и он с силой расстегнул несколько оставшихся пуговиц. Из-за того, что кожа на груди Цзян Сюя не знала солнца, она была исключительно белой, и ее тоже украшала небольшая родинка. В отличие от предыдущих, эта была красной, словно внутри нее пряталась сияющая капля крови.

Доктор Шэнь некоторое время смотрел на нее, затем снова потер глаза — в груди у него необъяснимо запылало. Он поднял палец и нажал на эту маленькую красную родинку, словно на кнопку выключателя, и вдруг прямо над его головой раздался невнятный вздох.

Мозг Шэнь Фаньюя оцепенел.

— Блядь, не провоцируй меня...

Он глубоко вздохнул и попытался встать. Цзян Сюй, тоже находившийся в трансе, вдруг осознал, что происходит, и в раздражении пнул Шэнь Фаньюя ногой:

— Проваливай!

Однако удар не достиг цели: уворачиваясь, Шэнь Фаньюй перехватил его лодыжку рукой. Лодыжка Цзян Сюя была очень тонкой, а кожа — невероятно гладкой, поэтому Шэнь Фаньюй не смог удержаться и погладил ее чуть дольше обычного.

Снова раздался тихий, сдавленный стон.

В отличие от тех, что можно услышать в кино, голос мужчины был слегка хриплым, чуть холодным и слабым, но непостижимым образом он был способен разжечь самый настоящий пожар.

Шэнь Фаньюй внезапно опустил голову, его взгляд затуманенно устремился туда, где заканчивались эти ноги.

Уж слишком реалистичным был этот сон!

<http://bllate.org/book/19007/1869394>